

А. А. Рязанцев

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ
ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ**

РЯЗАНЦЕВ

Александр

Александрович,

a@lsav.ru;

ORCID: 0009-0008-5371-680X,

SPIN-код: 4203-4297,

AuthorID: 905131,

аспирант,

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 302027, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12

Аннотация. Становлению политических режимов в республиках бывшего СССР помогает проведение активной символической политики, которая содействует легитимации власти в большинстве образовавшихся после 1991 года государств. В представленной статье отражены научные теории и подходы к феноменологии символической политики как суммы знаков и значений во взаимодействии политической власти новых политий и социальных слоев и групп населения этих государств.

Актуальность избранной темы статьи состоит в исследовании алгоритма реализации символической политики, влияющего на легитимацию и укрепление политической власти в новых государствах.

Цель статьи – представить и обосновать авторское определение и феноменологию символической политики постсоветских государств в русле научных теорий и подходов к пониманию роли государств и государственной политики. Предмет исследования – сущностные характеристики символической политики в процессах легитимации политических режимов республик бывшего СССР.

В результате исследования, проведенного автором на основе научных теорий о государственной политике, структурирована сущность проводимой в государствах постсоветского пространства символической политики.

Постановка проблемы: продуманная символическая политика в большей части новых государств на постсоветском пространстве с опорой на конструируемую коллективную историческую память и политическую мифологию, которая реализуется государственными институтами и лояльными политическому режиму негосударственными структурами при наличии постоянно ужесточающихся внешних и внутренних условий к функционирующим новым государствам, обеспечивает: 1) легитимацию политической власти в данных политиях; 2) успешность формирования гражданской идентичности и конструирования политической нации. Исследование успешных образцов символической политики новых государств (с точки зрения смыслов, нарративов и технологий ее реализации) имеет шансы на практическое применение и в Российской Федерации с учетом особенностей и наличия условий.

Ключевые слова: постсоветские режимы, политика, государственная политика, символическая политика, политика памяти, идентичности, власть, легитимация

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Рязанцев А.А. Политика памяти в легитимации власти постсоветских государств в контексте основных научных теорий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Том 19. – № 3. – С. 137–154. – <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-137-154> - EDN: ELGPMВ.

© Рязанцев А.А., 2024 г.

MEMORY POLITICS IN THE SYMBOLIC POLITICS OF POST-SOVIET STATES AND IN THE LEGITIMIZATION OF POWER: BASIC SCIENTIFIC THEORIES AND APPROACHES

About the author:

Alexander A. Ryazantsev,

alimenkoi@list.ru,

ORCID: 0009-0008-5371-680X

SPIN-код: 4203-4297,

AuthorID: 905131

*Postgraduate student,
Central Russian Institute
of Management – Branch
of RANEPa (Russian
Federation, Orel)*

Abstract. *The formation of political regimes in the republics of the former USSR is helped by the implementation of an active symbolic policy, which contributes to the legitimation of power in the majority of states formed after 1991. The presented article reflects scientific theories and approaches to the phenomenology of symbolic politics considered in the interaction of the political power of new polities and social strata and population groups of these states.*

The relevance of the chosen topic of the article lies in the study of the algorithm for the implementation of symbolic politics in new conditions that influence the legitimation and strengthening of political power in new states.

Field research: political institutions, processes and technologies.

The purpose of the article is to present and justify the author's definition and phenomenology of the symbolic politics of post-Soviet states in line with scientific theories and approaches to understanding the role of states and public policy.

The subject of the study is the essential characteristics of symbolic politics in the processes of legitimation of political regimes in the republics of the former USSR.

As a result of the research conducted by the author, on the basis of scientific theories and approaches to public policy, the essence of the symbolic policy pursued in the states of the post-Soviet space is substantiated.

Problem statement: the constructed collective historical memory and political mythology in the post-Soviet space, implemented by state institutions and non-state actors, provides a solution to the following problems. In particular, the legitimation of political power, the success of the formation of civil identity and the construction of a political nation. The study of successful examples of symbolic policies of new states has a chance of practical application in the Russian Federation.

Keywords: *post-Soviet regimes, politics, public policy, symbolic politics, politics of memory, identity, power, legitimation.*

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: *Ryazantsev, A.A. (2024) Memory politics in the symbolic politics of post-Soviet states and in the legitimation of power: basic scientific theories and approaches. Central Russian Journal of Social Sciences. Vol. 19, no.3, p.137–154. [https://doi: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-137-154](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-137-154) EDN: ELGPMB*

ВВЕДЕНИЕ

В современной политической науке политику исследуют с точки зрения определенных типов. В этом отношении для нас чрезвычайно важно применительно к символической политике посмотреть на нее (политику) с трех сторон: 1) как на борьбу групп интересов; 2) политику как сферу конфликтности; 3) политику как сферу государственного управления.

Во-первых, политику стоит рассматривать, прежде всего, как борьбу элит и групп интересов не только за ресурсы и властные полномочия, но и за ценности, за доминирование данных ценностей в символической политике общенационального государства. Социолог и политолог из Франции П. Бурдые полагал, что политика начинается с понимания социальными группами своих интересов (*vested interests*) (Паин, 2004), как материальных, так и духовных (ценностных). При этом конкуренция групп интересов в политике происходит как борьба принципов, что делает эту борьбу массовой и ожесточенной. Российский политолог С. П. Перегудов также подмечает борьбу между группами интересов и группами давления в политике, в том числе и борьбу вокруг ценностей. Одной из основных функций данных групп является символический интеракционизм с государственными структурами по поводу ресурсов, ценностей и смыслов.

Во-вторых, политику логично рассматривать как процесс конфликтности, в котором участвуют различные структуры (партии, НКО) и акторы. Западный конфликтолог Р. Дарендорф подчеркивает, что в современном обществе с наличием глубоких расколов важно увидеть разногласия по поводу распределения ресурсов и борьбы за ценности. И эти разные позиции по поводу ресурсов и ценностей всегда зримы. Итальянский политолог Дж. Сартори также отмечает значимость конфликтов вокруг трех позиций: ценностей, процедур принятия решений, вырабатываемой и реализуемой политики. При этом политические силы в национальном государстве стремятся к достижению консенсуса. Однако самым сложным видом консенсуса, по оценке Дж. Сартори, является достижение ценностного (основного) консенсуса. Отечественный политолог Н. Чувашова также акцентирует особое внимание на сущности конфликта, то есть на проблематике возникновения конфликта, на выявлении реальной причины его возникновения, на условиях его преодоления.

В-третьих, исследование политики как процесса эффективно-

го государственного управления. Политолог из США Ф. Дж. Гуднау анализирует политические практики как управленческие функции в различных отраслях и сферах. Французский политолог Ф. Бенеттон отмечал, что сообщество политиков представляет собой одно из совершенных творений человеческого разума. Британский исследователь Дж. Малган подчеркивал важность сочетания государственного управления с наличием продуманной стратегии, опирающейся на ценности и научные знания для приращения общего блага. Государственное управление, как отмечал профессор МГУ Г. Л. Купряшин, требует от органов власти опоры на национальные особенности и традиции, критического отношения к становлению западных моделей управления на российской почве.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными элементами методологии исследования выступают следующие концепты: 1) государство, политика, управление, символическая политика (П. Бурдьё, Ф. Гуднау, А. Соловьев, О. Малинова); 2) историческая память и политическая мифология (Ян и Алейда Ассман, М. Хальбвакс); 3) мнемотические места и акты коммеморации (П. Хаттон, С. П. Поцелуев); 4) постсоветские режимы (Э. Паин, Ф. Гойда, С. Глинкина). Понимание сущности символической политики в государствах постсоветского пространства невозможно без объяснения процесса формирования государственными и негосударственными акторами смыслопроизводства, нарратологии, коллективной памяти и политической мифологии. Основными методами при подготовке статьи стали: структурно-функциональный анализ, контент-анализ, факторный анализ, кейс-стади.

ОБСУЖДЕНИЯ

Важно иметь в виду, что наравне с концептом «политика» для автора представляется значимым и операционализация понятия «государственная политика», поскольку именно с ней связаны выработка и проведение в жизнь «символической политики». Политолог из Великобритании Э. Хейвуд под государственной политикой понимает определенный процесс, в ходе которого индивиды, группы и элиты влияют на правительство, которое затем формирует, воспроизводит и транслирует нормы собственного общежития. Кроме того, британский политолог вы-

членяет три типа государственной политики. Во-первых, это государственная политика как оптимум государственного управления. Во-вторых, государственная политика – это поиск согласия и компромисса в обществе, проведение этого компромисса в жизнь. В-третьих, государственная политика – это политическая власть, которая реализует на практике ценностные установки и доктрины, выработанные во взаимодействии (интеракционизме) с негосударственными акторами.

Государственная политика, по оценке российского политолога А. И. Соловьева, это возможность и способность власти: 1) управлять общественным развитием; 2) решать сложные проблемы и задачи общенационального социума; 3) ставить в политическую повестку дня и достигать цели в инновационном развитии страны.

При этом близкое с понятием «государственная политика» значение А. И. Соловьев видит в концептах: «public administration», «public management», «public governance», «public policy». Американский политолог Р. Чилкот в русле анализа государственной политики выделяет три ключевых подхода: традиционный (местнический и статичный формат), бихевиористский (реакция власти, работающая на основании правил и норм), постбихевиористский, или парадигмальный. Все три ключевых подхода в анализе символической политики постсоветских государств будут нами учтены при исследовании особенностей данной политики.

Имеется также три области политики, в том числе и в новых государствах, в которых формируются смыслы, реализуемые затем в символической политике. Это государственная политика, формирующая эту символическую политику, с реализацией данной политики в системе государственного управления. Это публичная политика, формируемая и осуществляемая в партнерстве государства с негосударственными институтами, включая символическую политику. Что очень важно, данная политика может быть для страны и общества как позитивной, так и негативной. В последнем случае речь идет о фактах, когда общенациональное правительство может осуществлять политику невмешательства в решение ряда проблем. Например, политика, на которую имелся, к примеру, запрос общества. Или политика игнорирования. Автор в данном случае приводит проблему русских, ставших негражданами в Латвии и Эстонии (в 1989 году доля русско-

язычного населения в Литве составляла 10 процентов, в Эстонии – 30 процентов, в Латвии – 35 процентов). Публичная политика в Латвии и Эстонии в отношении неграждан опиралась на нарративы «троянский конь Москвы» и «очевидное выражение оккупации».

И, наконец, это гражданская политика, политика неправительственных организаций, партий, гражданских инициатив, миссия которых состоит во всё большем влиянии на политическую сферу. Влияние данных структур на правительство в новых государствах постсоветского пространства можно оценить как влияние с разной силой воздействия. По оценке политолога из Польши А. Пшеворского, общественно-политические структуры могут играть ключевую роль в репрезентации альтернатив и формировании отношения социума к символической политике и к правительству.

Символическая политика в 15 постсоветских государствах, которая базируется в большей мере либо на объективной исторической памяти, либо на политической мифологии, стала следствием ряда причин. Во-первых, как полагает доктор экономических наук С. П. Глинкина, ни в одной из бывших республик СССР за четверть века преобразований не удалось достигнуть высоких результатов в развитии ни в геоэкономическом, ни в социальном, ни в политическом плане [Глинкина, 2019, С. 46]. Во-вторых, новым политическим режимам необходимо было разорвать связь в большей или меньшей мере с советским прошлым, переписав или учредив фактически новую историю. Символическая политика в новых странах формировалась на нарративах или на метанарративах, феноменология которых оформлялась в создание почти идеального повествования прошлой и современной истории данных политий. Как отмечает отечественный исследователь Р. Э. Бараш, этническое «я» было вписано в общий символический порядок, а коллективная историческая память была некоей гармоничной системой самоописания и отдифференцирования себя от иного, окружающего мира в нарративную логику.

В-третьих, политические режимы в постсоветских государствах, большинство из которых были этнократическими, занимались процессом нациестроительства, то есть формированием политических наций в политиетнических обществах. И данные этнополитические процессы логично встраивались в реализуе-

мую постсоветскими государствами символическую политику. При этом нарративная логика данных государств базировалась на смысловых конструкциях единения и консенсуса между большинством основных социальных слоев и групп населения, с одной стороны, и формирующимися политическими режимами этих новых государств, с другой стороны. Однако стоит отметить серьезную проблему единства многоэтнических наций постсоветских государств, которые институционализируются в течение долгого периода времени, в рамках нескольких поколений. И именно политика памяти в ракурсе символической политики помогает решать данную проблему.

На символическую политику постсоветских государств оказывали сильное влияние этнополитические процессы нациестроительства. Согласно одной из наших гипотез процесс обеспечения устойчивости постсоветских государств, стабильности их политических систем во многом зависит от выделяемых нами ключевых аспектов политического развития новых государств. Первый аспект – устойчивость политий – четко соотносится с эффективным формированием политических наций в полиэтнических обществах с наличием титульного этноса (нации) и этнических меньшинств. Второй аспект – устойчивость новых стран – зависит от массового внедрения этнического (этнокультурного) и гражданского (государственного) национализма как цементирующих основ государственности, противоядия от фрагментированности политий. Третий аспект – устойчивость государств – коррелируется с эффективным конструированием политической мифологии, являющейся частью символической политики.

Понятие символической политики ориентирует автора на глубокое и системное понимание знаков и символов. В базовой основе политики лежит, как отмечает французский философ Жан Бодрийяр, определенная структурная организация знака. Понимать структуру знака и уметь читать эти знаки означает понимать символическую политику институтов, включая государство. В символической политике, утверждает политолог из Австралии Г. Гилл, содержится три главных инструмента: идеология, нарративы (повествования) и, что самое важное, политическая мифология [Gill, 2013]. Общенациональный политический режим функционирует с помощью этих трех инструментов, которые обеспечивают ему устойчивость, стабильность и, что немаловажно, политическое развитие.

Польский политолог и социолог Э. Халас в символической политике государств видит производство и воспроизводство, а также функционирование значений в публичной сфере [Халас, 2021, С. 37]. Символическая политика, как подчеркивает российский политолог О. Ю. Малинова, ориентирована на политическое использование исторического прошлого в качестве одного из доминантных компонентов политики, внутренней и внешней [Малинова, 2015, С. 21]. Кроме того, символическая политика – это и политический ресурс власти для риторической интерпретации настоящего и планируемого будущего.

Символическая политика, согласно нашему авторскому определению, представляет собой сумму знаков и значений во взаимодействии политической власти, с одной стороны, и социальных слоев и групп населения, с другой стороны. Социальные слои и группы в различных обществах, включая постсоветское пространство, в большей мере ориентированы на навыки и умение считывать символы и знаки как во внутренней, так и во внешней политике своих правительств. Совпадение их запросов с транслированием в публичной политике этих символов и знаков означает обретение этими правительствами определенного доверия и поддержки со стороны общества. Такое взаимодействие представляет собой символический интеракционизм, в русле которого формируется консенсус (согласие) политического режима и общества в национальных государствах постсоветского пространства.

В политико-управленческих практиках постсоветских стран сложились различные типы политической символики. Это символы-идеи как в виде общих понятий (патриотизм, независимость, память прошлого), так и национальные стереотипы. Примеры: «советская оккупация» для республик Прибалтики, Илья Чавчавадзе – отец грузинской нации, «Бандера – наш герой» для Украины. Кроме того, логично выделить: символы-действия (Бессмертный полк в России), символы-ритуалы (возложение цветов к памятникам геноцида армян), символы-персоналии (казах Сырым Датов и восстание под его предводительством в 1785–1797 гг.). Таким образом, символическая политика в постсоветских странах не могла и не может быть априори периферийной, а также эпифеноменальной, ведь политический символизм выступает компонентом политического процесса.

Сущность символической политики постсоветских государств,

состоящей из двух важных компонентов (историческая память и политическая мифология), взаимосвязана с процессом этнической и гражданской идентичности, формирования политических наций. Социолог и психолог из США Э. Эриксон видел в понятии «идентичность» ощущение социальными группами и индивидами своей целостности и некоего тождества. Британский социолог З. Бауман рассматривал идентичность с точки зрения составительной дефиниции, как поле битвы, а современность как историю времени. Американский политолог Дж. Г. Мид исследовал в процессах становления идентичности желательную систему, в которую вливаются политические институты и определенные субъекты политики. Российские политологи И. С. Семененко и Е. В. Морозова в формировании различных идентичностей видят процесс конструирования, процесс, в котором участвуют публичные интеллектуалы и деятели культуры [Семененко, 2017].

Представляя типологию идентичности (самобытности), испанский политолог М. Кастельс выделяет легитимизирующую самобытность (становление гражданских институтов), самобытность сопротивления (оформление ценностей нации или этноса) и самобытность, устремленную в будущее (императив, ориентированный на общественно-политическое развитие). При этом, отмечает М. Кастельс, конкретные формы самобытности, устремленные в будущее, проходят становление, чаще всего на базе эмоционального сопротивления сообществ «старым» ценностям, символам, нарративам и смыслам. Гнев, подчеркивал М. Кастельс, воспламенял протесты, сопротивления [Кастельс, 2016, С. 382].

Как полагает автор, все постсоветские государства в течение более чем тридцати лет последовательно прошли этапы формирования данных типов идентичностей, формируя и политику памяти, и символическую политику. При этом и в данном вопросе автор статьи согласен с отечественным политологом О. А. Штайном: процесс формирования идентичности приобрел некую работу по созданию коллективной «маски», вербального и искусственного образа политической нации, интегрированного в систему политической социализации и коммуникации. О. В. Штайн также выделяет этапы в данной стратегии, такие как разработка и внедрение политического поведения для коллективной идентичности, встроенность идентичности в идеологический механизм государства, производство мифо-ритуальных

норм и этикета. Главное же в стратегии идентичности, по О. В. Штайну, это вынесение целостного образа («маски») в публичное поле политики (внутренней и внешней) для реализации данной стратегии по ритуальному воспроизведению «нашего» и по экспрессивному отношению к «другому» [Штайн, 2022, С. 144].

Идентичность в постсоветских государствах, как этническая, так и гражданская (государственная), является частью политики памяти, символической политики. При этом в ряде государств постсоветского пространства (Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан) формирование гражданской (государственной) идентичности делается на примордиализм, в других странах (Украина, Молдавия, республики Прибалтики) в большей мере – на конструктивизм. Для национальной политики в Российской Федерации характерен гибридный подход, в различные отрезки времени имела место ставка и на конструктивизм (формирование гражданской нации россиян), и на примордиализм (на русских как доминантный этнос в полиэтническом обществе). Это позволило отечественному исследователю Э. Паину ввести в научный дискурс понятие этнополитического маятника (маятник этнополитических стратегий) [Паин, 2004].

В рамках исследуемого концепта символической политики постсоветских государств логично рассмотреть такие составляющие этого концепта, как «политика памяти», «историческая память», «традиции», «мемориальная культура», «мнемотические места», «акты коммеморации». Исследование данных понятий применительно к символической политике на постсоветском пространстве неизбежно ведет к тому, что французский политолог Р. Арон называет измерением исторического сознания, или поиском истины путем философской рефлексии. И такое измерение, по нашему мнению, неизбежно оформляется затем в соответствующую интересам конкретного государства, общества, элит политику памяти, реализуемую и на государственном уровне.

Французский социолог М. Хальбвакс еще в первой половине XX века отмечал важность политики памяти, которая стала особенно актуальной в конце XX века, в период 2000-х годов. И такая политика, по оценкам данного исследователя, не может быть хаотичной. Она имеет свои «рамки» и нужные «ориентиры», которые оформляются обществом – не отдельными людьми, а по-

литическими институтами и коллективами интеллектуалов. М. Хальбвакс в своих научных изысканиях выделял существенное различие между дефинициями «память» и «традиция, в ракурсе которых впоследствии происходит задокументированная фиксация событий давнего и недавнего прошлого» [Хальбвакс, 2007].

Лишь нация, отмечает М. Хальбвакс, которая обеспечивает преемственности исторического прошлого с ключевыми вызовами сегодняшнего дня, а также с общенациональной политикой будущего, укрепляет традицию. В ином случае происходит разрушение данной традиции. Согласно научной гипотезе М. Хальбвакса, реализуя политику памяти, мы тем самым нагружаем общество частью его прошлого [Хальбвакс, 2007, С. 266]. Введение М. Хальбваксом понятия «политика памяти» стало важным этапом в развитии политологического осмысления истории. До М. Хальбвакса в научных дискуссиях профессиональных историков доминировали следующие дефиниции: «историческое знание», «представление о прошлом», «формирование исторического сознания». При этом понятия «политика памяти», «историческая память», «коллективная память» не стали заменой уже известных научных категорий, они вошли в параллельный дискурс в ряде других социальных наук, включая политологию.

Немецкий историк и политолог Я. Ассман исследовал понятие «историческая память» в разрезе «помнящей культуры». Такой исследовательский ракурс делал его работы ближе к политической науке с акцентом на анализе различных форм обращенности к историко-политическому прошлому национальных государств. При этом Ян Ассман в своих научных работах вычленил две принципиальные классификационные характеристики исторической памяти: 1) индивидуальную память; 2) коллективную память нации. Более того, Ян Ассман подчеркивает, что «данные типы памяти играют знаковую роль в проектировании и строительстве культурных и политических идентичностей» [Ассман, 2004, С. 31]. Такой научный подход к исторической памяти не мог не ретранслироваться в политико-управленческие практики, в особую политику памяти постсоветских государств. Это был определенный алгоритм действий органов власти и управления данных политий – за счет символического прошлого обеспечить устойчивость государств и стабильность их политиче-

ских систем. И логичным следствием реализации этого алгоритма в жизнь становится «пересборка» социального (термин Б. Латура) с большим количеством действующих акторов [Латур, 2020, С. 92] в интересах общенациональных элит, с новой иерархией героев и соответствующими местами памяти.

Разумеется, политика памяти в общенациональном социуме постсоветских стран шла рядом с процессом формирования гражданской (государственной) идентичности, отвечая на вопрос, поставленный в числе прочих и С. Хантингтоном: «Кто мы?» Американский политолог в разрезе вызовов национальной идентичности справедливо выделяет два значимых ракурса. Первый ракурс – это наличие внешних угроз для данного типа идентичности (к примеру, от соседей или от сверхдержав, великих и региональных держав). В этом случае идентичность не ослабевает, а, наоборот, усиливается параллельно с поиском аналогичных фактов в истории. Второй ракурс – идентичность формируется, по оценке С. Хантингтона, медленнее, исходя из внутренних условий. Это зависит от того, что для ряда народов (наций) характерны разнонаправленные тренды в социально-политической и экономической сферах.

Политолог из ФРГ А. Ассман в своих работах достаточно предметно акцентирует внимание на принципиальном подходе властей в разработке и реализации политики памяти в национальных государствах. Алейда Ассман видит серьезный вызов для каждой политической нации в забвении истории, или, как она отмечает, в технике забвения истории [Ассман, 2019, С. 19]. Она также предупреждает общенациональные элиты о том, что забвение истории страны – это путь к дестабилизации государства. Лишь то, подмечает А. Ассман, что хранится в музеях истории, в учебниках, в поставленных памятниках героям нации, имеет шансы на передачу некоей коллективной памяти от одних поколений к другим, новым поколениям.

Коллективная память как часть политики памяти, уточняет А. Ассман, со временем обретает важное свойство транслировать значимые ее элементы в пространство и время. А этими элементами являются ценности, смыслы, нарративы, символы политической нации конкретных государств. Кроме того, А. Ассман исследует более широкий пласт коллективной памяти в политике памяти и в символической политике. В частности, ею разработана степень устойчивости коллективной памяти, ее обязатель-

ность для усвоения всеми социальными слоями и группами, политическими элитами национальных государств, широта и масштаб охвата населения. Алейда Ассман также вводит в научный дискурс новое понятие – «мемориальная культура», представляющее собой не очень точный перевод на русский язык, понятие, которое сочетает в себе и коллективную память, и политику памяти. Современный историк и политолог Питер Берк дал близкое к понятию «мемориальная культура» понятие «культурная история» – сочетание истории прошлого с культурными пластами народной культуры, видя в этом более масштабную картину прошлого [Берк, 2016, С. 37].

Взаимодействие новых государств на постсоветском пространстве не отличается только конструктивным сотрудничеством. Наоборот, между государствами, группой государств существуют серьезные противоречия и даже военные конфликты. Более того, общая прошлая история и современная история взаимодействия содержат «клубок» разных, иногда диаметрально противоположных интерпретаций. В связи с этим значимым приращением в политическую науку является концепт А. Ассман о «травматическом прошлом», который во взаимодействии государств превращается в предмет политического и экономического торга, естественно, в соответствии с интерпретацией прошлого, интересами и мотивацией сторон. В качестве примеров можно привести травматическое прошлое между Россией и республиками Прибалтики, Россией и Украиной, Россией и Грузией, Арменией и Азербайджаном, Киргизией и Таджикистаном. Травматическое прошлое, к примеру, России и Украины оказывает существенное влияние на диаметрально противоположную интерпретацию профессиональным сообществом историков общей исторической памяти населения («Киевская Русь», «Малороссия», «Украина» и «украинцы» [Гойда, 2019]), проживающего в двух разных странах.

Стоит также отметить, что понятие «политика памяти», в основе которой лежит историческая память (индивидуальная и коллективная), четко коррелируется с политическими практиками формирования идентичностей в постсоветских государствах (этнической, мировоззренческой, гражданской). Важно также иметь в виду, что политика памяти в новых государствах в условиях постмодерна выходит на приоритетность легитимации власти в проведении практик политической мобилизации соци-

альных слоев и групп населения этих стран в решении проблем социально-экономического развития, в отражении внешних угроз. В этом отношении автор соглашается с мнением французского философа Ж.-Ф. Лиотара в том, что статус научного знания (в нашем случае исторического. – *Авт.*) переплетается с главной проблемой современных обществ – проблемой легитимации.

Более того, Ж.-Ф. Лиотар полагает, что научное знание не всегда может победить в конкуренции с другим «сортом» знания. Особенно если во втором случае этот «сорт» знания заинтересован во внутреннем равновесии и в политическом балансе в конкретной стране. В этой ситуации автор предлагает следующую гипотезу. Согласно этой гипотезе историческая объективность в описании общей истории постсоветских государств (например, в России) не всегда может иметь выигрыш в конкуренции с политической мифологией (например, на Украине) в мировой исторической науке, в исторической науке и в образовательной политике на Украине.

Вместе с тем, как подчеркивают российские политологи И. М. Савельева и А. В. Полетаев, при актуализации тематики исторической памяти в публичном внутреннем (в России) и международном пространстве за профессиональным сообществом историков признается право и обязанность давать современному обществу и политическим элитам уроки истории, а за субъектами политики закрепляется конкретная обязанность извлекать необходимые уроки истории. Таким образом, политика памяти выступает как часть символической политики, реализуемая в отраслях образования и воспитания, в сфере научной деятельности, в области функционирования научно-исследовательских институтов и экспертных сообществ.

В символической политике постсоветских государств имеет особое значение и акцентуация на местах памяти. Историк и политолог из США П. Хаттон в разрезе изучения исторической памяти, как коллективной, так и индивидуальной, внес существенный вклад в социальные науки и в разработку дефиниции «мнемотические места». По его мнению, «мнемотические места», или «места памяти, выполняют функцию образов, которые напоминают обществу в национальных государствах о ключевых и значимых идеях, ориентирующих общество и интеллектуалов в его пути в познании прошлого» [Хаттон, 2003, С. 66]. Стоит отметить, что согласно социокультурному подходу места памяти

соотносятся с ритуалами. Ритуалы, по мнению отечественного политолога С. П. Поцелуева, не являются бессознательно-стереотипными и бессмысленными действиями, а представляют собой мотивацию на изменение сознания (идентичности) социальных групп. И именно с участием людей в ритуалах приобретает ими новый социальный статус с обретением устойчивых ценностей. Ключевое значение в политике памяти (наравне с местами памяти и ритуалами), как считает П. Хаттон, имеют и эмоциональные акты коммеморации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активное формирование и не менее активная реализация символической политики постсоветскими государствами свидетельствуют о важности и значимости данного типа политики в ракурсе легитимации политической власти, укрепления стабильности и устойчивости политических систем данных политий. Более того, исследования данного процесса с точки зрения научных теорий и подходов государственного управления и государственной политики бывших республик СССР позволяют сформулировать ряд значимых теоретических и практических выводов.

Во-первых, символическая политика в новых государствах на пространстве бывшего СССР прошла сложный путь становления и развития. Во многом именно символическая политика в 1990-е и нулевые годы способствовала легитимации политической власти большинства постсоветских стран, обеспечила становление гражданской идентичности и политической нации, предотвратив демонтаж или разрушение новых политий на постсоветском пространстве.

Во-вторых, продуманная символическая политика в большей части новых государств в 2005–2020-е годы с опорой на конструируемую коллективную историческую память и политическую мифологию, которая реализуется государственными институтами и лояльными политическому режиму негосударственными структурами, обеспечивает политическую социализацию новых поколений и воспроизводство коллективных политических практик граждан данных политий.

В-третьих, исследование успешных образцов символической политики новых государств (с точки зрения смыслов, нарративов и технологий ее реализации) имеет шансы на практическое применение и в Российской Федерации с учетом особенностей и наличия условий.

Библиография:

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с. ISBN: 978-5-4448-2515-0.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. ISBN: 5-94457-176-4.
3. Берк П. Что такое культурная история? 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 240 с. ISBN: 978-5-7598-1387-3.
4. Гойда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. – М.: Модест Коллеров, 2019. – 200 с. ISBN: 978-5-00165-594-7.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с. ISBN: 978-5-7598-1009-4.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с. ISBN: 978-5-7598-2055-0.
7. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с. ISBN: 978-5-8243-1952-1.
8. Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. 2-е изд., доп. – М.: Новое издательство, 2004. – 248 с. ISBN: 5-98379-012-9.
9. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С. П. Глинкиной: в 3 т. Т. 2. Постсоветские государства. – СПб.: Алетейя, 2019. – 454 с. ISBN: 978-5-906980-70-0.
10. Семенов И.С., Морозова Е.В. Идентичности в меняющемся мире: ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика. / Отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – С. 77–87. ISBN: 978-5-7777-0697-3.
11. Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2021. – 296 с. ISBN: 978-617-7758-19-7.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с. – С. 266. ISBN: 978-5-98379-088-9.
13. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. – СПб.: «Владимир Даль», 2003. – 424 с. ISBN: 5-93615-026-7.

14. Штайн О.А. Маска: стратегии идентичности. – СПб.: Алетейя, 2022. – 160 с. ISBN: 978-5-906823-40-3.

15. Gill G. Symbolism and regime change: Russia / G. Gill. – Cambridge: Cambridge univ. Press, 2013. – 246 p. ISBN: 978-1-107-03139-5.

References:

1. Assman, A. (2019) Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei. – M.: Novoe literaturnoe obozshchrenie. 552 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-2515-0.

2. Assman, Ia. (2004) Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. – M.: Iazyki slavianskoi kul'tury. 368 p. (In Russ.) ISBN: 5-94457-176-4.

3. Berk, P. (2016) Chto takoe kul'turnaia istoriia? 2-e izd. –t M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. 240 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7598-1387-3.

4. Goida, F.A. (2019) Grani i rubezhi: poniatia «Ukraina» i «ukraintsy» v ikh istoricheskom razvitii. – M.: Modest Kollerov. 200 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00165-594-7.

5. Kastel's, M. (2016) Vlast' kommunikatsii. – M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki. 564 p. ISBN: 978-5-7598-1009-4.

6. Latur, B. (2020) Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu. 2-e izd. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7598-2055-0.

7. Malinova, O.Iu. (2015) Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaia politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti. – M.: Politicheskaia entsiklopediia. 207 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8243-1952-1.

8. Pain, E.A. (2004) Mezhdou imperiei i natsiei: Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaia al'ternativa v natsional'noi politike Rossii. 2-e izd., dop. – M.: Novoe izdatel'stvo. 248 p. (In Russ.) ISBN: 5-98379-012-9.

9. Postsotsialisticheskii mir: itogi transformatsii (2019) /pod obshch. red. S.P. Glinkinoi: v 3 t. T.2. Postsovetskie gosudarstva. – SPb.: Aleteiia. 454 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-906980-70-0.

10. Semenenko, I.S., Morozova, E.V. (2017) Identichnosti v me-niaiuushchemsia mire: orientiry, smysly, traektorii dinamiki // Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie / Otv. Red. I.S. Semenenko / IMEMO RAN. – M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». P. 77-87. (In Russ.) ISBN: 978-5-7777-0697-3.

11. Khalas, E. (2021) Simvoly i obshchestvo. Interpretativnaia sotsiologiya. – Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr». 296 p. (In Russ.) ISBN: 978-617-7758-19-7.
12. Khal'bvaks, M. (2007) Sotsial'nye ramki pamiati. – M.: Novoe izdatel'stvo. 348 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-98379-088-9.
13. Khatton, P.Kh. (2003) Istoriia kak iskusstvo pamiati. – SPb.: «Vladimir Dal'». 424 p. (In Russ.) ISBN: 5-93615-026-7.
14. Shtain, O.A. (2022) Maska: strategii identichnosti. – SPb.: Aleteia. 160 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-906823-40-3.
15. Gill, G. (2013) Symbolism and regime change: Russia. – Cambridge: Cambridge univ. Press. 246 p. ISBN: 978-1-107-03139-5.

© Рязанцев А.А., 2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 06.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 14.02.2023.

Принята к публикации (Accepted) 20.04.2024.